

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

1920 год

20 марта/2 апреля. Известия, привезенные из Москвы, убеждают, что Кизеветтер был арестован в связи все с тем же делом об общественных деятелях¹. П. рассказывал мне по этому поводу любопытные вещи о том, как жена Л. выдала его из ревности. О русская неряшливость и легкомыслие! Затем разговор перешел вообще на русскую и специально кадетскую кружковщину, которая пронизала и Земский и Городской союзы: чтоб так преуспеть, надо было принадлежать [к] группе «Русских Ведомостей» или к кадетской партии. Потом перешли на кадетские приемы: оказывается, что очень важные дела поручались самым легкомысленным людям, например, Ю[рьевой]. Об этой последней я припомнил то, что она говорила мне, когда я утверждал, что борьба никакая невозможна, а что единственный исход — уходить. Уезжайте к вашим кадетам! — А как же их вещи?! Это был крик сердца и истинное отражение того, как кадеты обращаются со своими, с преданными им людьми. А чужих они просто выметают, хуже даже, чем большевики. Благодушие мое продолжается. Стараюсь отдохнуть и набраться сил. Лекциями я очень доволен. Накупил все, что мог. Теперь хочу только видеть Володю.

21 марта/3 апреля. Конец пребывания в Иваново-Вознесенске; сегодня вечером трогаемся; впечатления такие же хорошие, как и в первый раз; однако чувствуется, что надо в Москву, где все-таки ближе к какой-то машине, с помощью которой ближе можно следить за своей судьбой. По газетным сведениям, на съезде РКП произошел раскол из-за начал единовластия и коллегиальности². Некоторые думают, что это может иметь значение. Я не разделяю такого мнения: милые бранятся, только тешатся.

27 марта/9 апреля. Почти неделя в Москве. Не записывал по обычным соображениям. Первое, что я узнал в Москве, это то, что вопрос о поездке за границу за книгами безвозвратно отложен впредь до того, как будут налажены сношения по внешней торговле. Это значит оттяжка на несколько месяцев, в лучшем случае. Других неприятностей я здесь не нашел, но я давно не испытывал такого прилива душевного мрака, как в эти дни. И, разбираясь в нем, я вижу что это мрак светлый и спокойный — это результат ясно сознаваемого спокойного и холодного ужаса перед тем, что есть и будет. Смерть всей русской жизни есть факт, уже совершившийся, без надежды на скорое возрождение. Когда видишь этот грязный, разрушенный город, наполненный дикими людьми со звериным образом, берет стыд и ужас. Вчера и третьего дня мне пришлось походить по таким улицам Москвы, на которых я очень давно не был, и, может быть, этот поход по московским улицам еще сильнее подействовал на мою психику: уж, кажется, привык, а все-таки больно и жгуче стыдно принадлежать к народу-самоубийце, опоганившему все.

Очердной визит на дорогую могилу опять заставил меня открыть новых знакомых на

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—12; 1992, №№ 1—5, 11—12.

кладбище Новодевичьего монастыря — вот куда переселяется старая цивилизованная Москва, которая не ушла, а осталась на месте; она, как и вся Россия, умирает без потомства, без наследия, не умирает, а начисто вымирает; единственно чему, может быть, можно радоваться, так это, что вместе со всеми вымирает и та интеллигенция, которая своими руками уготовала гибель России.

Говорят, что после Пасхи мы должны будем возобновить занятия в Университете; никто только не знает, где мы будем читать, т.к. из аудиторий наших мы бесповоротно выметены. Хожу с Володей по Страстным службам, но нет прежнего настроения — все полын, все прах, все прошлое умерло.

30 марта/12 апреля. Пасха при дивной погоде. Общее положение все то же. Я укрепляюсь в мысли, что все, что мы видим, будет длиться без конца. Получились некоторые сведения из местностей, которые были во власти белых: в Киеве было пьянство и кутежи, сопровождаемые ненужными строгостями. В Ростове тоже. В Ростове скопилось множество народа, которые бегут куда глаза глядят — слышал, что В. Б. Похв[иснев?] бежал в Сербию. Теперь и в Киеве, и в Одессе, по слухам, аресты и насилия, худшие, чем в Москве; в Киеве, по рассказам, полагают, что большевики там продержатся долго. Продукты дешевле, чем в Москве, но дорожают с каждым днем.

В светлый праздник были с Володей и Таней в Новодевичьем монастыре; когда шли туда и оттуда, встретили по крайней мере до десятка знакомых; пройдя по кладбищу, я еще нашел знакомые могилы. У меня создалось впечатление, что вся Москва, в лице ее лучших представителей, переселяется туда — вот пути, предуказанные судьбой для русских цивилизованных людей — *auswandern* или *aussterben*³. Только жалкие остатки вместе с лучшими поднимутся над теперешней зловонной гущей, быть может, создадут потом что-то на месте теперешних развалин.

На душе мрак; Пасха, одинокая, грустная, как-то особенно содействует этому. *Manch Bild aus vergessenen Zeiten steigt auf aus seinem Grabe...*⁴. Чтобы выйти из этого невыносимого состояния, хочется принять решение ездить как можно больше, хотя бы по пределам расширяющейся Совдепии, пока Господь из нее не вынесет. А еще решил свою многолетнюю работу — II том истории областного управления — переписать в 2-х экземплярах и положить в Румянцевскую и Публичную библиотеку, чтоб труд не пропал⁵.

3/16 апреля. Совершенно летняя погода. Отвез Володю к Леле на дачу; остался холостяком. Ездил туда по Окружной дороге, с удивлением узнав, что по ней ходят поезда. Общее положение все то же. Коварный Альбион выступает посредником в ликвидации Деникина. Сегодня был у М. Н. Покровского по вопросу Румянцевского Музея. Получил указания, что Румянцевскому Музею полезно войти в сношение с Комиссариатом внешней торговли. В канцелярии факультета общественных наук мне сказали, что дело стоит остро относительно места чтения. Тем не менее объявил, что начинаю читать 20-го; однако в этот день буду продолжать чтение на дому.

5/18 апреля. По поводу разговора с Покровским: он говорил, что в Комиссариате внешней торговли в научном отделе нет «никакого аппарата» и что нам следует воспользоваться этим обстоятельством и взять там дело в свои руки; это характерно для господствующей путаницы понятий и для беспомощности правящих.

Слышал о приезде сюда какого-то американца, который имел дело со здравоохранением и с Красным Крестом. Ему нарассказали, как чистят Россию «от царских вшей». По слухам, американец, который приехал для снабжения кого-то каким-то продовольствием, хлопал глазами и ушами и производил впечатление наивного человека, который всему верит. Получил «трудовую книжку»: это тот же паспорт, но много хуже прежних.

Вернулся из Италии Кампа и рассказывает, что в Италии далеко не все благополучно в смысле социализма и даже местного большевизма. Все ли правда в том, что он говорит? Мы предполагаем его расспросить подробно, но при этом надо учитывать, «*qu'il a la mentalité d'un optimis voyageur*»⁶. Это совершенно правильно заметила о нем О. М. Веселкина. Московские оптимисты все еще не прекращают своих пустых сплетен и слухов. Самые несбыточные надежды не желают умирать, а между тем, пора с ними проститься и понять, что предстоит долгий, тяжелый период, переживут который очень немногие. Вчера хоронили И. А. Покровского⁷. Это большая потеря в бедном мире русских ученых-юристов и в не менее бедном численно мире русских крепких людей. На похоронах был один студент в форме. Он напомнил мне свадебного генерала.

8/21 апреля. Был в Народном Комиссариате Просвещения на заседании комиссии по распределению книг. Предположено национализировать все склады книг и распределить их при помощи учреждения, называемого Цурка⁸. Присутствовали некоторые знаменитые со-

ветские работники, вроде Ангарского-Клестова (рыжая тупица), тов Владимирского⁹, который говорил умнее всех на этом заседании. Против Цурки более всего возражал некий товарищ Пичит [?], представитель Центропечати. Но он потерпел неудачу во всем, а когда все ушли, то Покровский и управляющий делами Народного Комиссариата Просвещения Маркус дико хохотали, повторяя: «Убили Центропечать!» Картина взаимной грызни была ясна. Радовались, что нанесли вред своему собственному учреждению. Все дни изнемогал от тяжести заседаний.

На общем горизонте ничего. Слышал интересный рассказ о якобы германских коммунистах, которые сюда приезжали. Они требуют себе тех заводов, которые они сами выберут; требуют земли для обработки с правом выселения крестьян, которых они не боятся, потому что будут вооружены до зубов. Всего их должно явиться до 200 000 человек. Вероятно, советская власть их пустит. Я в таком обороте вещей вижу начало мирного завоевания России иностранцами.

13/26 апреля. Только что вернулся из поездки к Троице, там нехорошо. Комиссия, приехавшая «ликвидировать» Лавру, имеет во главе попа-расстригу Галкина, который при старом режиме был членом Союза русского народа¹⁰ и очень желал быть архиереем, но не получил архиерейства. Вместе с местными большевиками он ведет определенную линию на разграбление Лавры, и будет чудом, если им этого не удастся. Все это как-то невольно чувствуется, когда там находишься, и тяжелое чувство передается, и им заражаешься.

Возвращаясь оттуда, я не доехал до Москвы, но с 6-ой версты отправился пешком через Ростокино, Останкино и Петровско-Разумовское в так называемое Братцево, к лесу Володе. Московские окрестности имели много прелестей и по-своему были красивы, но леса кругом Останкина почти все вырублены, в Разумовском начали рубить парк за прудом. Это начало. Разрушение и пустота — вот преобладающие впечатления от прогулки по московским окрестностям; дачи безлюдны; достаточно сказать, что в субботу вечером, при чудной апрельской погоде, во всей главной Петровско Разумовской аллее была одна человеческая фигура. Такие же впечатления в воскресенье от прогулки в Покровское-Глебово и Ивановско.

В Москве я не нашел ничего нового за протекшие два дня. Впрочем, сообщают о новых арестах в среде кадетской партии; зато других кадетов выпустили, например, А. А. Кизеветтера, которого освободили на поруки тов. Рязанова с обязательством явиться на суд трибунала, если его будут требовать. Вид у него хороший: он только говорит, что ему было ужасно скучно.

Господствует некоторое смятение в университетской среде; т.к. места на Моховой для чтения нет, то собираются протестовать, в то время как здание на Девичьем Поле стоит неиспользованным. Мне думается, что при данных условиях протест — вещь лишняя и ненужная. Какой-то протест готовится и в Университетском совете. И это мне кажется ненужным, ибо Университет как таковой убит последовательными мерами большевиков, и пока самому Университету не предоставлено будет себя воссоздать, до тех пор все наши усилия будут тщетными. Совещание с немецкими безработными учеными не состоялось; почему, я еще не знаю.

По дороге из Троицы И. Ф. Огнев рассказывал мне, что после Л. М. Лопатина¹¹ осталась рукопись с пророчествами, записанными спиритическим путем и относящимися к тому, что мы теперь переживаем. Т.к. и Л. М. и И. Ф. вне всяких подозрений в искажении истины, то рукопись должна иметь необычайный интерес.

16/29 апреля. На юго западе затевается опять какая то война; поляки лезут на Киев¹². Снова начинается вековая распря русских и поляков, в которой ни одна сторона не может понять другой. Как русские не могли понять, что надо отпустить поляков на все четыре стороны, так теперь поляки не могут понять, что, забирая западнорусские области, они в будущем открывают эру новых войн между Польшей и Россией. Как раз такого же мнения придерживается сербенин Иванович, у которого мы пили вчера чай с Бахрушиным. Деловых разговоров о поездке в Белград не было, да и не могло быть, но все же, может быть, из этой дружбы что-нибудь и выйдет. Говорят (рассказ Д. Н. Егорова), что большевики готовят, или подготовили, польское революционное правительство с Дзержинским во главе¹³, но что это будто бы открыто и произвело большое впечатление. *Se non è vero*. Во всяком случае, Дзержинский куда-то числится официально уехавшим. Видел я письмо, написанное Луначарским в Городской комитет РКП, захвативший помещенье Литературно-Художественного Кружка, по поводу Серовского портрета Ермоловой, который принадлежал кружку и поныне там находится: так как комитет является *фактическим владельцем* (так искусно дано юридическое определение) портрета, то он, Луначарский, находит желательным, чтобы комитет подарил его самой Ермоловой, по случаю ее 50-летнего юбилея, или же Малому театру. Дальше идти некуда!

Было свидание у Яковлева с А. А. Брусиловым; рассказывал интересные вещи о Николае II. Оказывается, приехав в Могилев после отречения, он вдруг заявил Алексееву, что он передумал и что корону желает оставить сыну. Алексеев тщетно вразумлял его, что это уже поздно и что ничего переделать нельзя: он заставил его вызвать «по прямому проводу» Родзянко и сообщить тому о желании ех-императора. Родзянко даже не мог не только поднять об этом речи, но вообще принужден был утаить предложение. Курьезно Николай II дал генерал-адъютантство Брусилову: будучи в Галиции в 1915 г. Николай II обедал в ставке Брусилова и, придя на обед, сказал ему: «Ну вот, я у Вас сегодня обедаю, так поздравляю Вас моим генерал-адъютантом!»! Ведь это почти оскорбление, добавлял Брусилов, — дать генерал-адъютанта не за заслуги, а за обед¹⁴.

Сегодня и вчера — заседание факультета и совета Университета по поводу захватной политики так называемого рабочего факультета. Из всего этого — ничего не выйдет. Умер великий Пан¹⁵! Умер Московский Университет! И Бог знает, когда он воскреснет. Я продолжаю свою линию поведения. Ходил и участвовал, пока факультет и совет имели определенное значение и дело. А теперь делать в них нечего.

19 апреля/2 мая. Польское наступление развивается, но меня оно не радует. Польско-русские отношения только еще более запутаются, потому что, как из русских лишь очень немногие отдавали себе ясный отчет, что полякам надо дать свободу, так и в Польше, теперь опьяненной и как всегда заносчивой, мало кто понимает, что *Польша закрепит* свою свободу только в своих этнографических рамках. Движение на восток, имеющее шансы на поддержку Западной Европы и даже поддержку некоторых русских элементов, пока в России царят большевики, в будущем станет источником беспрерывных войн и повторит те бедственные отношения между обоими народами, которые просуществовали целые века. А для ближайшего времени это только источник усиления всяких притеснений и ужасов.

Но почему поляки двигаются теперь, а не ранее¹⁶? Быть может, оттого, что именно теперь, когда окончательно погибли попытки Деникина, Колчака и т.д., погибла и мысль о единой, неделимой России и, следовательно, можно более всего урвать от русских земель. Но каковы же дураки были те, которые, собираясь восстанавливать Россию, думали это сделать без всяких уступок, как внутренних, так и внешних: ни крестьянам, ни окраинам — ничего. Повторю бессмертные слова Ключевского — они опять не смогли «доказать мужику, что он дурак, и поладить с окраинами». Воистину, более *общественно* глупого народа, чем русский, нельзя себе представить.

Празднование 1-го мая было обращено в «субботник». У нас в Музее чистили сад, разбрасывали остатки снега от стены книгохранилища; делали, конечно, очень мало, а больше болтали, а молодежь просто веселилась. Город был заклеен афишами обычного гнусного вида, но красной материи было мало; вероятно, ее вообще стало гораздо меньше. 30-го у меня была опять беседа с Покровским о закупке иностранных книг. Ему пришлось втолковывать много азбучных истин; я из этой строго деловой и узко деловой беседы вынес впечатление, что он настолько утомлен, что даже не вполне нормален. Мне говорили об этом другие, но сам я лишь впервые мог это наблюдать; очень характерно, что истерическую прокламацию от[носительно] Польши, напечатанную в «Известиях» 30 апреля, он серьезно назвал «Манифестом о войне с Польшей»¹⁷. *Is se gobent*¹⁸ и искренно впадают в тон и язык старого времени. Субботу вечер и воскресенье у Лели, куда вернул Володу, который был в Москве два дня. Похороны бедного Шуры Граве были очень сердечными; были речи на могиле; говорили несколько студентов и один, весьма, правда, пошлый, профессор (Д. Л. Черняховский, дурак, не то большевик, не то ес-ер).

22 апреля/5 мая. Наступление поляков продолжается, и Киев если не взят, то во всяком случае потерян заранее. Событие дня — образование «особого совещания» для принятия военных мер против поляков. Во главе совещания Брусилов; в составе его Поливанов, Клембовский, Гутор и другие генеральские ошметки великой войны¹⁹. Некоторые хотят в этом видеть признаки какого-то поправления большевиков. Я этого не думаю; скорее это привлечение генералов на роль манекенов; а для генералов — это золотой мост для перехода на паек²⁰, т.к. якобы гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы — ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман это маскирование себя генералами, инсценировка национальной войны.

Для России едва ли что может быть полезного от создающегося вновь положения войны: попытки наведения порядка в России при помощи белых безвозвратно разрушились вследствие глупости, неумения и ссор; Россия стала решительно большевистской, и для внешнего мира Россия и большевизм, вероятно, теперь почти синонимы²¹, а отсюда выход такой: борьба с большевизмом будет борьбой с Россией при помощи окраин, которые идут на Россию

и будут от нее отрывать все, что могут. И вот в борьбу мира против большевизма вводится новое оружие — русское национальное чувство. Но на кого оно будет работать? Не на благо России, которую нужно защищать от поляков, а на благо и укрепление большевизма, который за ширмами национального чувства и пользуясь как манекенами именами Брусилова, Поливанова и других, будет продолжать разлагать мир и пытаться силой оружия внедрять коммунизм и анархию как можно шире. Вот почему я не жду ничего хорошего от тех новых явлений, которые наблюдаются в последние дни. Просвета нет, как прежде, а материальное и нравственное положение нас — военнопленных, покоренных интернациональными коммунистами — от войны с Польшей в ближайшие месяцы может стать только еще более тяжелым.

24 апреля/7 мая. Газеты полны комментариями генеральской капитуляции. Большевики высказываются в том духе, что генералы признали необходимость советской власти, и кричат это *urbi et orbis*²², в буквальном смысле этого выражения. Напечатали письмо Брусилова, в котором он предлагает учредить совещание и не отказывается от службы большевикам²³. Сегодня я слышал предположение, что Брусилов, быть может, написал это письмо в ответ на предложение занять более ответственное место, но что он таким образом спрятался за совещание. Во всяком случае, большевики теперь играют на этом громком имени, как они в то же время играют на патриотизме и будут играть на чем угодно, только бы добиться целей, которые они себе ставят.

Был на даче у Лели Курдюмовой проститься с Володей перед поездкой в Петербург. Оттуда вернулся по Окружной дороге на Курский вокзал по северному полукольцу. Кладбища паровозов тянутся от Серебряного Бора до Владыкина²⁴; на Казанской-Сортировочной — бесконечный парк мертвых вагонов. Курский вокзал какой-то грязный и жалкий; отсюда я шел по Воронцову полю мимо бывших немецких дворцов, которые теперь или разграблены, или заняты какими-то интернациональными войсками; Хитров рынок — пуст²⁵. На Варварке какая-то девица спросила меня, не знаю ли я в Москве какой-нибудь гостиницы, т.к. они идут с вокзала на вокзал, очень устали и хотят ночевать. Я принужден был ей ответить, что прежде в Москве гостиницы были, но теперь я не знаю, есть ли они. Мой путь лежал в Университет — в заседание Общества Истории и Древностей Российских — тихий уголок, где пахло старой Русью и старой Россией. Над нами топали ногами посетители клуба рабочего факультета, захватившего все старое здание после захвата нового²⁶, но мы продолжали свое дело.

Кстати мне хочется отметить, почему я упорно не хожу в факультет и совет Университета. Я был самым исправным их посетителем тогда, когда их работа была работой, и притом ответственной; теперь ни в факультете, ни в совете нет никакой работы, у них нет никаких прав и почти нет обязанностей. Так лучше не терять дорогого времени.

Слышал, что в Музейской столовой обнаружено что-то вроде панамы: соль продавали на Смоленском²⁷; имея большие запасы, почти вовсе не кормили, и это на голодных товарищах. Вот она, русская сволочь!

Петербург, 26 апреля/9 мая — 7/20 мая 1920. Поездка эта была мною намечена давно — как средство переменить место и немного забытья, и чтоб закончить, наконец, мою работу над областным управлением XVIII века некоторыми справками в Архиве Государственного Совета. Их я все откладывал до того времени, когда «будет лучше». Увы, этого «лучше» я не дождался и решил, что и не дожусь. Т.к. в Совдепии без командировки не ездят, то была устроена командировка от Музея для отбора книг из Публичной библиотеки и других мест. Я ездил с моими коллегами, Киселевым и Петровским. Мы выехали утром на одном извозчике, который был нанят за 5000 рублей, и сидели, как прежде делали кухарки, на своих чемоданах. На железной дороге приятный сюрприз: с нашими плацкартами нас пропустили в совершенно чистый вагон 2-го класса последней конструкции, с широкими лавками и широкими окнами; нас было 8 в купе, но народ был вполне приличный, и так как в распоряжении нас троих была верхняя лавка и половина нижней, то мы устроились вполне удовлетворительно с ночлегом. Поезд шел 23 часа; натиска не было нигде, ехали как в доброе старое время.

Буфетов нет, кое-где лишь советское пойло, именуемое кофе, и подозрительные кусочки чего-то под названием мяса. Зато продают молоко, местами масло и яйца. Молоко — 150, 180 рублей кружка, а к Петрограду 250 рублей; масло около 2500 рублей; яйца — в середине дороги — 100 рублей штука, к Петрограду 150; т.к. мы имели свои запасы, то питание было и достаточным и приличным. Для обратного пути нам посчастливилось еще более; для троих мы получили купе 1-го класса (двухместное) в международном вагоне. В том же вагоне было еще два купе, занятых возвращающимися москвичами, и почти не было жидов, к удивлению. И туда, и обратно при входе в вагон у нас совершенно пропали всякие мысли о *вшах* и *тифе*.

Подъезжая и Петрограду, я задавался мыслью, что я увижу, выйдя из вагона, и прежде всего меня поразила надпись: «*Въезд в Кронштадт воспрещен*», красующаяся на перроне. Как

будто в Петроград только и едут, чтобы попасть в эту ужасную лабораторию русской революции. И в этом видно самоуспоение и самопереоценка революционного хамья. Знаменская площадь, как была, так и осталась с бегемотом в виде Александра III²⁸. По Невскому немного народа, но вывески целы и некоторые магазины открыты. Это создало очень благоприятное первое впечатление, чего-то менее разоренного, чем Москва. Около Публичной библиотеки я отделился от моих спутников (10 мая, день приезда) и отправился на информацию.

Имп[ераторская] Публичная библиотека, как всегда, холодна, чинна, но любезна. И физический в ней холод до сих пор, потому что какая-то особенно разумная комиссия до последних дней запрещала открывать окна, т.к. это якобы вредно для книг. Познакомился с Э. Д. Радловым²⁹, производящим очень приятное впечатление, и с «правительственным комиссаром» Андерсенем, рыжим чухонцем и революционным молокососом, как его определил С. Ф. Платонов. Из Публичной библиотеки я прошел в здание Министерства Народного Просвещения и разыскивал там один из новых библиотечных органов. Я бродил по огромному зданию совсем как по замку Спящей красавицы — все пусто и точно зачаровано.

Оттуда я прошел в дом Сената на Английской набережной, где теперь помещается Главное Управление Архивами, где застал С. Ф. Платонова, который с первого же слова повлек меня к себе и тем разрешил угнетающую мысль о том, где мне преклонить голову. В семье Платонова я встретил такой родной прием и такую теплую ласку, какие не часто встретишь у самых настоящих родственников и старых друзей, и, конечно, это тоже наложило печать на мое пребывание в Петрограде.

С 11 мая я начал занятия в Архиве Государственного Совета, испытывая тот захват, который в старое время нередко давала мне архивная работа. Какое счастье сидеть с документами, зная, что тебя никто не потревожит и никуда не нужно спешить. 5 дней занятий дали мне возможность закончить мою долготлетнюю работу и приступить к конечной обработке тех мест исследования (Областное управление, 2-й том), которые до того оставались без движения.

Кроме архивных занятий, которые и были моей главной целью, я вместе с товарищами моими выполнили Музейские задания; для этого нам пришлось побывать в некоторых совдеповских учреждениях, разговаривать с товарищами (Севцентрпечать, Петроградское отделение Госиздательства); все это было очень скучно и нудно, но в итоге мы все же обеспечили для Музея немало источников для получения книг, однако, при условии найти средства доставить их в Москву. По-видимому, нельзя будет найти иного, как выпрашивать теплушку или вообще вагон и в вагоне везти их в Москву.

Остальное мое время уходило на посещение петербургских знакомых, главным образом среди профессоров-историков. Перехожу теперь к той сумме впечатлений, которую я вынес из Петрограда.

Те люди, в среде которых я вращался более всего, т.е. наши историки, живут тверже и бодрее, чем наши москвичи; у них нет маразма, который овладел почти всеми нами. Их не так теребят большевики, потому что они дальше от центральной большевической власти, и в то же время Петроград остается большим русским культурным центром, даже самым большим, как и ранее, и потому большевики не могут обращаться с петроградской буржуазной интеллигенцией так, как они это делают в провинции. В Петрограде — все выгоды от отдаления власти. И нет ни одного минуса, вытекающего от этого отдаления. Затем в Петрограде можно *печатать*, что фактически не мыслимо в Москве. Для нашей братии в этом есть некоторое преимущество. Пайки, которые в общем везде способствуют некоторому успокоению нервов, прошли в Петрограде ранее, и к ним более привыкли, чем в Москве. Все это создает более спокойный [так в подлиннике] *résignation*³⁰. Иначе я не могу назвать их настроение, потом все, с кем я ни говорил, на положение вещей смотрят безнадежно и если на что рассчитывают, так только на медленную эволюцию.

Пришлось мне, впрочем, видеть и более тяжелые картины: например, в семье Шмеман член Государственного Совета и сенатор 1-го департамента³¹ служит в конторе какого-то коммунального хозяйства; семья раскидана, продают вещи; сам сильно одряхлел и единственно в чем видит спасение — в *резком* и скором переломе. Видел бывшего директора Императорских театров Теляковского³², который занимает скромное место на Николаевской дороге и поддерживает себя мелкой спекуляцией.

С внешней стороны Петроград лучше Москвы, ибо он много чище ее. Когда чистили улицы от снега, то грязь складывали посредине улиц с трамваем и при помощи последнего вывозили ее. Больше трамваев, нежели в Москве, но гораздо менее лошадей и автомобилей; именно последнее создает, главным образом, впечатление пустоты, а не отсутствие людей, которых, хотя и неизмеримо менее, чем ранее, но все-таки достаточно. У меня осталось впечатление, что из Петрограда исчезли главным образом два слоя — верхний, аристократический и правящий, и нижний — все неисчислимые новгородские, псковские, тверские, вологодские и прочие мужики, которые приходили туда для промыслов.

Очень пуста Нева, по которой редко-редко пробежит буксир с дровяной баржей; только за Николаевским мостом можно видеть довольно много судов Балтийского флота, покойно стоящих у берега, в то время как «краса и гордость революции» в брюках *cloche*³³ разгуливает по набережным под ручку со своими дамами. Их особенно много вокруг Крепости и около Английской набережной, где они захватили весь квартал, выселив из него жителей. В противовес этому можно сказать лишь одно — в Петрограде куда меньше жидов, чем в Москве (*l'un vaut l'autre*³⁴).

Нечего и говорить, что в Петрограде нет прежней чинности. Достаточно сказать, что в теплые вечера нынешнего беспримерно раннего лета я видел, как в Лебяжьем канале купались мальчишки и как на Стрелке купались взрослые руководители школьных или нешкольных экскурсий горилых отродий. Очень пуст Каменноостровский [проспект], на котором я жил: в чудные вечера начала мая только «трудящиеся» возами таскали сирень из дач Каменного острова, тогда как прежде от экипажей здесь стонала бы мостовая. Молчат фабрики, нет дыма, воздух чист, и потому на Каменноостровском, начиная почти от Крепости, комары вились стаями.

В смысле пищи я был поставлен в очень хорошие условия. Я привез с собой довольно много и большую часть упробовал. Н. И. Платонову; остальное, меньшая часть, пошла мне на завтраки, и таким образом мне вовсе не пришлось ходить по столовым и терять в них время. Кое-что я в последние дни прикупил на рынке. Ходя по рынку (на Петербургской стороне), я убедился, что там есть более или менее все и что цены почти сравнялись с московскими: хлеб — 350, пшено — 400, масло — 3000.

Из таких мест, куда ранее не пускали, я был в двух — в Строгановском и в Каменноостровском дворцах: первый — это настоящий *palazzo*³⁵, какие в Генуе и Венеции показывают за деньги. Второй сильно испорчен от госпиталя, устроенного в нем владелицей, принцессой Саксен-Альтенбургской³⁶, в первые месяцы войны; однако в нем сохранились парадные комнаты, напоминающие Александра I — маленькие комнаты, вероятно, его личные апартаменты. Интересен дворец еще и потому, что это едва ли не единственное цельное произведение Баженова.

Сумма моих петроградских впечатлений была скорее положительная. Выше изложены причины этого. Я уехал с мыслью, что Петроград — не мертвый город, но спящая красавица, которая пробудится со временем к новой, хотя, быть может, и иной жизни, чем прежде. Во всяком случае, в эти ужасные годы он сохранил свое значение наиболее цивилизованного из русских городов.

8/21 мая. Не доезжая Москвы, слез в Ховрине и прямо пошел на дачу Павлова близ Окружной дороги. Идя через Ховрино, встретил С. Д. Бахарева, которому, наконец, удалось устроиться заведующим хозяйством санатории. Он пригласил меня выпить кофе и, к моему неописуемому удивлению, привел меня на дачу, где мы жили в 1879 году. Судьба играет нами не только в крупном, но и в мелочах. Володю нашел в порядке. Ходу до дачи 50 минут.

9/22 мая. В Музее все благополучно. Скандалов нет; в порядке и на кладбище. Возвратился в Братцево, где оставался все воскресенье.

11/24-15/28 мая. Московская жизнь потекла своей обычной гнусной чередой. Мрак души, чуть-чуть развеянный поездкой, снова воцарился в моей душе. Вечные разговоры и всеобщая [...] сплетня, слухи, перебивающие один другой. Полное неумение производительно заняться в моих двух комнатах. Мрачные думы о том, как на свете жить одинокому и как воспитывать Володю; снова какие-то шпигования из комиссариата по делу о книжных приобретениях за границей, из которых ничего не выходит — вот атмосфера, в которой я вращался всю эту неделю. Я почти не читал газет и ловлю себя на том, что мне хочется уже сразу узнать, чем кончится война с Польшей. Сначала большевики испугались, потом ревели победу, теперь опять повесили нос. Но я не верю ни их крикам, ни досужим сплетням томящегося в неволе буржуа. Одно можно сказать — что дело не совсем шуточное и что какой-нибудь результат все же возможен. О Боже — хоть какой-нибудь бы выход из этого тупика.

16/29 мая. Отправился с Володей в 6-дневную экскурсию в Пестово и Сергиев. В Пестове я не был два года. Все запущено, но хозяева бодро держатся. В галерее — театр культурно-просветительного кружка, где Володя Репман руководит гориллами; во флигеле я живу рядом с экс-буржуями. Прошли туда со станции 3 часа, с остановками в 3/4 часа. Нетронутым остается средний корпус дома, где я и стараюсь сидеть; у меня нет ни малейшего желания гулять или двигаться — не от физической усталости, которой я не чувствую, а от утомления нравственного. Не смотрели бы мои глаза ни на что. Писать или читать — единственное, на что я еще способен.

18/31 мая. Чудесный день. В Пестове, в галерее спектакль горилл; они играют «Женить-

бу». После этого бал до 6 часов утра; режиссер Володя Репман. Хозяевам делает большую честь их энергия в отстаивании своего гнезда. Энергии обязаны они тем, что и сейчас живут здесь. Но все же тяжело видеть все вокруг, оскверняемое человекообразными обезьянами. Мне кажется, что я — не я и не здесь. Формы прежние, содержание новое. Более, чем когда-либо, чувствуется, что наше существование — даже не житие, а какое-то посмертное бледное отражение прежней жизни. Мы уже не люди, а «души бледные скотов».

1 июня. Совершенно спокойный день в Пестове. На душе все то же, но физически отдыхаешь, воспринимая природу, сияющую вечной красотой, даже здесь у нас, на скучном севере.

2 июня. Переезд к Троице; на железной дороге попали в поезд, наполненный бабами, ехавшими на базар к Троице. Сегодня все утро в делах, главным образом, в связи с вопросом о передаче Лаврской библиотеки в состав нашего Румянцевского «филиала». Лавра, закрытая и поруганная, производит тяжелое и грустное впечатление. У соборов, которые были распечатаны только на Троицын день, стоят хулиганы с ружьями и стерегут печати. В часы служб на Троицу производилась продажа антирелигиозной и антицерковной литературы. Вместо угашения веры, ее возбуждают. Всегда та же ошибка.

21 мая/3 июня. Продолжение отдыха в Сергиевом Посаде и полное отсутствие каких бы то ни было новостей. Доехали хорошо. В Москве новостей мало. Все по-прежнему. В Духов день в Сергиевом Посаде было возмущение, когда хотели запечатывать вновь собор. Бабы ревели. Некоторые придают этому значение, как симптому. Я думаю, что эти мелочи большевикам вреда не принесут.

29 мая/11 июня. Все эти дни Москва вновь жила слухами. Наступление поляков привело к поражению русских большевиков под Борисовом, что они и сами признали в своих бюллетенях, хотя и с оговорками и умолчаниями, как всегда. Одновременная попытка нажать с юга привела в Москве к оживлению всяких слухов, надежд и даже расчетов. Я по-прежнему преисполнен всяческим скептицизмом. Пока не произошло ничего такого, что можно было бы считать решительным ударом по большевической власти. А процесс гниения внутри этого несчастного трупя, называемого Россией, может продолжаться бесконечно; я всегда это говорил и готов повторять это бесконечно.

Очередной поход на Университет: рабочий факультет, отнявший у нас все аудитории, теперь желает, чтобы все дела в Университете решались в правлении, в том числе и учебные, чтобы просто съесть все, что еще осталось. Когда правление или, точнее, профессорская его часть воспротивилась этому, то рабочий факультет и студенты-коммунисты заявили, что они переносят дело в комиссариат. А комиссариат сам как бы умывает руки. Было бы логичнее просто все закрыть и уничтожить.

12 июня. Наблюдал нравы на базе строения мостов: аресты, угрозы чуть не расстрелом, принудительные работы [...] с особой ясностью чувствуются прелести социалистического строя, граничащие с рабством. Общее положение все то же. Англия продолжает вести «морганатические переговоры»³⁷ с большевистской сволочью». Мне кажется, что честную и последовательную политику ведет только одна brave vieille France³⁸. Но, увы, я очень боюсь, что в будущем ее русские симпатии безвозвратно перейдут к Польше, пока и эта славянская душа не посадит Францию в лужу, как это уже сделал русский народ-богоносец и его гнилая и беспринципная интеллигенция.

15 июня. Потрясающие лгуны объявили, что поляки взорвали в Киеве Владимирский собор³⁹, и взывают к православному чувству. Что, они лгут и на этот раз? Думаю, что в этом деле все их поведение будет вроде басни «Волк и кот» — никого они не уверят и никого, по-настоящему, против поляков не поднимут. Но как утомителен и противен этот бег на месте с отступлениями и наступлениями! Когда конец и где?

18 июня. Я мало записывал эти дни, потому что кончал свой 2-й том «Областного управления». Вчера вечером, или лучше сказать в тиши ночной, я, наконец, поставил последнюю точку над моим 12-летним трудом. «Миг вождельный настал, окончен мой труд многолетний. Что ж непонятная грусть тайно терзает меня?» Терзает она меня потому, что я действительно «стою как поденщик ненужный»⁴⁰? Я и закончил эту работу, чтоб довести начатое дело до конца перед ликвидацией моих научных занятий. Продолжать это ненужное дело можно только для собственного удовольствия, как наркотическое средство, чтобы хотя порою забыть от всех ужасов и от отчаянной скуки, которая овладевает мною постепенно. Ничего больше не хочется, только покоя и забвения.

Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о «рижской операции» в августе 17-го года, т.е. бегстве развращенной русской армии из-под Риги. Доклад

делал генерал Парский, сморщенный лимон алкоголического типа. Из именитых деятелей был пресловутый Вацетис⁴¹, скобленое гаерское рыло, видимо, неглупый плут, но не более. Генералы говорили о том, как их били, и мне не чувствовалось, чтобы кому-нибудь из них было особенно больно за себя, за армию, за Россию. Прежде столовые, теперь паек, вот все, что стояло и стоит на первом плане у русских вождей. Слушатели были большей частью обезьяны, настоящие гориллы хари, призванные составить новое русское офицерство во славу мирового пролетариата. Было интересно, но я ушел с чувством боли, стыда и жалости.

Общее положение запутано. Как согласить морганатические переговоры товарища Красина с нажимом на советскую республику и дикое улюлюканье Ленина в письме к английским рабочим с чьим-то желанием войти в какие-то переговоры с товарищами⁴². Когда же на западе поймут, что как ни гнил очаг большевизма, он все же вреден для Европы? Вшивый бедлам, как обозвал РСФСР на днях Черчилл⁴³, все-таки бедлам, полный потрясающих лугов, лгуших направо и налево и ставящих себе задачей вредить европейским государствам, где только они могут. Характерно их сближение с турками, восставшими против Антанты; они дружат с турецкими панисламистами, националистами, младотурками, которые восстанавливали кавказских горцев против Деникина, а теперь приехали в красную Москву. Представители этих людей являлись к нам в Музей⁴⁴.

9/22 июня. Провожу неделю в Пестове. Из всех летних резиденций и уголков это последний, для меня не потерянный и не вполне потерянный для хозяев. Чтобы попасть сюда, пришлось преодолеть 12 верст пешком, с полторапудовой ношей на плечах. Погода была не слишком жаркая; однако, проделав такую вещь, я чувствовал себя утомленным, особенно утомлены были ноги — все остальное выдержало отлично. Сколько старых воспоминаний связано с Пестовом. Веселье ранней молодости, позднейшее раздолье в дни великолетия Репманов, тихая дружба при Ниночке. Теперь все запущено; удержавшиеся хозяева рубят и плят дрова, носят воду, стряпают и даже стирают, чтоб жить в тепле и в своем старом углу.

Мы живем так, как живут здесь все, и участвуем в общей работе; в мои обязанности входит носка воды и дров и поливка огорода. Таковы досуги современного профессора. Все же за это получается много. Во-первых, общение с людьми, которых любишь, а ведь их остается так немного; потом природа — наша скверная, гадкая природа, но все же в летнее время привлекательная. Третьего дня мы ходили с Володей Репманом, крадучись, за 3 версты на мельницу покупать муки и, также крадучись, принесли домой полтора пуда (как это характерно для современных нравов и порядков!). Был дивный прохладный влажный вечер, и «серая» ночь понемногу наступала. Это именно то, что я люблю летом в наших широтах. В деревне [?] здесь тишина и временное забвенье. А ведь и душа и тело жаждут отдыха. О политике не знаю ничего уже 4 дня.

11/24 июня. Еще два полных дня полного спокойствия без каких бы то ни было известий из большевицкого мира. О том, что мы переживаем, напоминает только необходимость исполнять разные работы. Я специализировался главным образом на пилке и колке дров и на носке воды. Тем не менее, остается немало времени для занятий. Более, чем когда-либо, живя в издавна известном месте, отпадает охота гулять. Как-то особенно охотно заменяешь гуляние работой. Слышал от О. Л. У. рассказ о письме Осоргина («Русские Ведомости»)⁴⁵ кому-то, задержанном военной цензурой; в нем описывались спиритические сеансы, бывшие до войны, в которых было предсказано все, что после войны будет переживать Россия. Если сопоставить это с тем, что я слышал от И. Ф. Огнева о таких же сеансах, в которых участвовали среди других он сам и Л. М. Лопатин, то впечатление получается большое и внушительное. Я при этом не могу не вспомнить также маленький сеанс в г. Симеизе в июле 1915 г., в котором участвовали Нина, Таня, двое Калужских, Куприянова и Байдакова; некий дух объявил им: 1) что в 1917 г. в России будет революция, 2) что Николай II и Александра Федоровна будут убиты, 3) что Алексей не будет царствовать, 4) что ни Россия, ни Германия не будут победительницами. Последнее казалось мне совершенно диким, а все-таки сбилось.

14/27 июня. После недели в деревне возвращение в постылую и паскудную Москву. В общем все, что касается меня, более или менее благополучно. Общее положение все то же. Врангель на юге несколько подвинулся. Когда же, наконец, конец этой ужасной войне? В вагоне слышал такой интересный рассказ: на съезде школьных работников в Сергиевом Посаде было констатировано, что из сельских библиотек вовсе не берут так называемой политической литературы, т.е. попросту агитационной, большевицкой, при этом члены съезда из коммунистов заявили, что если начать ее распространять искусственно, то избыток или убьют. Словом, большевицкая пропаганда в деревне в данный момент немыслима. Это очень интересный факт. Расстояние от Пестова до станции без груза легко прошел в два часа пять минут и попал на Сергиевский поезд, в который удалось влезть довольно свободно.

19 июня/2 июля. Неделя в Москве. Настроение самое возмутительное. Полный маразм. Везде на фронтах — бег на месте. Я опять и в 1001-й раз думаю, что все наступления — это только горе и бедствие для нас, что нужно оставить дело идти своим путем, и тогда результаты скажутся через несколько лет. Сегодня прощался с Вилькенами. Счастливые люди — жить в цивилизованном мире, дышать свободно и устраивать дела свои, как велит разум и склонность. Все-таки странно будет в Москве без Вилькенов. Глядя на них и исходя из моего состояния маразма, я опять все думаю — как бы уехать вон. Теперь маячит новая комбинация — экспедиция в Ревель, чтоб выписывать там библиографические сведения из иностранных журналов и собрать сведения. Мечтаю вечером отправиться к моему Володе.

Вчера А. С. Николаев напомнил мне то, о чем уже говорили в Петербурге Рождественский и Платонов: 5 мая был 100-летний юбилей Соловьева⁴⁶, и мы, московские историки, никак не реагировали на это событие. Вот как действует на нас то, что приходится переживать!

24 июня/7 июля. Пестово. Вновь несколько дней пью чашу забвения и отхожу от непосредственных впечатлений Москвы. Мое личное состояние можно определить как желание разрешить квадратуру круга. Я все сижу и думаю, как разрешить задачу остатка моей жизни, как выйти из пустоты и скуки, которая меня окружает. Все-таки, думается, нужно попытаться выйти из положения путем выезда из России. Пусть не выйдет один раз, выйдет другой. Здесь ждать нечего ни в общей, ни в частной жизни. Сегодня друг Шамби привез кое-какие известия из Москвы. Сквозь его обычный пессимизм сквозит все то же безнадежное состояние насильственно убиваемой страны и народа. Россия, предаваемая во власть получуек, шоферов, третьего элемента, невежественных вралей — людей, побывавших на юридических факультетах, не сделавшись юристами⁴⁷, хамов, дураков и грабителей, перешедших под эту власть при благосклонной помощи социалистующей интеллигенции, — погибает. Случайно руль истории повернул Россию в эту сторону; случайно он мог бы повернуть ее в другую сторону. Я все более и более прихожу к заключению, что случайность, именно случайность, есть истинный двигатель истории.

Здесь время проводится, как ранее, между занятиями умственными и физической работой; сегодня с Шамбинаго перепилили почти целую березу.

26 июня/9 июля. Продолжаем работать — пилить березу и убирать сено. Вестей никаких, погода отличная. Радуюсь, что хоть мой Володя наслаждается чудесным воздухом и деревней. Не хочется думать о том, как решится задача нашей жизни, ибо нет более тяжелой думы, чем эта.

28 июня/11 июля. У бывшего управляющего был обыск по подозрению в спекуляции, конечно, по доносу, хотя у данного типа рыло во всяческом пуху. Во время обыска он вынес и поставил у крыльца под куст шкатулку с деньгами. Через четверть часа ее уже не было: кто-то украл. Таковы нравы в этой стране. Воры, по-видимому, — крестьяне, вселившиеся самовольно в территории имения. В остальном все то же. Тихая тоска на лоне прекрасной погоды. Ем, сплю хорошо. Чего еще более? Наслаждаюсь купаньем. Разве мало? Занимаюсь исподволь педагогией с сыном. Начал кое-что читать для предложенной в будущем работы по объяснению русской современности. Читаю Хомякова⁴⁸. Боже, какая вода, какое неудержимое словоблудие в его *публицистических статьях. Англекане-Угличане-Славяне*. Это предел вздорной и претенциозной чепухи. А ведь это один из самых крупных славянофилов!

29 июня/12 июля. Петров день, который, чтоб не сделать буднем, я употребил на путешествие к Троице. Там подготовил я дело принятия Лаврской библиотеки, с оставлением при ней иеромонаха Алексея и С. П. Мансурова⁴⁹. Нельзя было подписать акта, потому что комиссия по распределению Лаврских помещений еще не закончила свои занятия и не передала библиотеки в отдел по делам музеев, который, в свою очередь, должен передать ее нам. Какова бюрократическая волокита! По поводу библиотеки я имел счастье познакомиться сегодня с товарищем М. Т. Смирновым, председателем исполкома Сергиевского совдепа (Боже, что за титул!). Я увидел перед собой довольно приличного и любезного человека, но определенно тип ограниченного и глупого человека из народных учителей, верующего в коммунизм и большевизм и к тому же, по слухам, честного. Несомненно, это один из самых вредных типов, господствующих в наше время. Однако для данного времени договориться с ним было легко.

Вечером, по невыносимой жаре, путешествие в Москву. Здесь, по-видимому, без особых скандалов, судя по всему, что я прийдя узнал на квартире. Общие новости те, что Врангель не сломлен, а поляков пьют большевики. В чем дело, раскусить и понять невозможно. Направляясь домой, я думал и пришел к заключению, что в самом тяжелом состоянии я бываю во время передвижений, когда видишь перед собою внешнюю жизнь, и когда на этом ужасном фоне разрушения и горильего разгула видишь собственное одиночество

и крушение всего. Обезьяны рыла в поезде, советские б[...] в бесчисленном количестве на стенах обезображенной и поруганной Москвы действовали на меня сегодня более удручающе, чем когда-либо. Никогда так не выступает чувство беспросветности и безвыходности, и никогда так ярко не просыпается желание бежать без оглядки далеко-далеко, куда глаза глядят. Буду опять делать попытки в этом направлении; кто знает, может быть, когда-нибудь и достигну результата — спасусь сам и спасу Володю для культурной жизни.

2/15 июля. Не совсем обычное окончание семинарских занятий. По желанию моих слушателей был предпринят пешеходный поход в Коломенское, Дьяково и на так называемое Чертово городище⁵⁰; к малочисленным слушателям примкнули С. В. Бахрушин и молодая чета Виноградовых. Несмотря на жару, прогулка была совершена очень приятно. Много говорили на исторические темы, а на Чертовом городище я прочел маленькую лекцию. Молодежь выражала желание, чтобы подобные прогулки повторялись. Коломенское мало изменилось за 4 года со времени моего последнего посещения; нужно признать, что и дворцовое ведомство достаточно держало его в запустении.

5/18 июля. Попал в Пестово на один день, после отвратительной московской недели, тогда как рассчитывал приехать дней на 10. Вся неделя прошла в обычной скуке, и тоске, и маянии, и все, казалось, было благополучно, как вдруг вчера произошло чрезвычайное событие, вполне под стать всей современной жизни. В Музее (а также и в Историческом музее) был произведен обыск по предписанию ВЧК или, по терминологии комиссаров, «операция». Я подходил утром к Музею от Дольников, когда мне навстречу попались шедшие от Музея двое служащих, которые сообщили мне, что все здания окружены красноармейцами, что туда впускают всех, а оттуда не выпускают никого. Я, конечно, отправился туда и узнал, что в 5 часов утра приехали 24 комиссара с 24 красноармейцами к председателю домового комитета Георгиевскому и предъявили мандат на закрытие Музея на 7 дней и на производство обысков во всей территории Музея и на задержание подозрительных лиц.

В 7 часов были предупреждены Голицын, Виноградов, Долгов⁵¹, Романов и я (который отсутствовал), и начался обыск в Музее, главным образом в подвалах; задание их было найти подземные ходы в Кремль и оружие, а попутно — золото и бриллианты. После обыска во всем подвальном этаже они обыскали квартиры служащих. У меня обыск продолжался часа полтора; у Мензбирова тоже; но на нем я уже не присутствовал. Товарищ комиссар обошел мои две комнаты, затем приступил к осмотру моего письменного стола, где не нашел ничего, как, впрочем, и нигде ничего не нашел. Сначала он был вежлив, но сдержан; потом стал проще, попросил, может ли он закурить; мукой он не интересовался. В общем, я не могу пожаловаться ни на какую-либо некорректность с его стороны. Мне было сначала неприятно; потом стало все равно, и я говорил с ним совершенно хладнокровно. Я не могу сказать, чтобы этот человек оставил во мне особо скверное воспоминание. Из обысков только обыск у тов. Райского⁵² дал существенные результаты; 160 000 рублей кредитками, и притом частью николаевскими.

Служащих в Музее держали взаперти до 4-х часов; затем все уехали, подтвердив, что Музей закрыт на 7 дней для публики, но что служащие должны быть на местах. Затем последовало совещание, на котором решили довести обо всем до сведения Народного Комиссариата Просвещения и ждать дальнейших событий. Подземных ходов они не нашли; из оружия — только 4 винтовки японских 1904 года, находящихся в этнографическом отделении. Опечатали они два подвала. Были, в общем, вежливы; говорили, что они нам, наверно, надоели и что такой обыск не имеет смысла — либо надо все перерывать, либо надо бросить дело. Их, по-видимому, смутило большое количество ящиков. Свои вещи, лежавшие в Музее, я благополучно вынул и вынес при них. Не знаю, что ждет нас дальше, но, во всяком случае, я наказан тем, что должен сидеть в Москве несколько лишних дней.

9/22 июля. Снова в Пестове, после 2-х дней, бесплодно проведенных в Москве. За воскресенье — среду утром дело не подвинулось. Музей закрыт, причем в понедельник велели его закрыть даже для занятий. Вместе с Виноградовым я ходил к Покровскому и к Луначарскому. Первый, по-видимому, действительно ничего не знал обо всем нашем деле. Он советовал выждать положенное время и открыться. Луначарский сообщил, что он был, действительно, обо всем осведомлен, но что это «направлено не против вас; надо было только проверить некоторые обстоятельства». Мое впечатление таково, что они не думают, что дело у нас серьезное, но что если ЧК раздует его, то они за нас не заступятся.

Слухи об этом эпизоде в Москве ходят самые невероятные. Уверяют, что у Голицына найдены пуды золота, а у [...] в отделении ящики с оружием. Из нашей столовой пошел слух, что в понедельник был в Музее новый обыск, что приехали 80 комиссаров на нескольких автомобилях. За обыск приняли какую-то хивинскую делегацию, которая, оказывается, находится в Москве и которая в присутствии агента ВЧК осматривала Музей. Так живет ученый учреждениям при диктатуре пролетариата.

Вся Москва готовится к празднествам в честь конгресса коммунистов⁵³. На Красной площади — сооружения, до некоторой степени напоминающие коронацию. Кроме арок, ставят еще громадную трибуну в виде горы, похожей на гору в Вифанской церкви⁵⁴. От всего этого тоска и мрак души.

10/23 июля. Вчера А. К. Виноградов сообщил мне по телефону, что Покровский сказал, что Музей открывать нельзя. Он ждет назначения комиссара. В общем, положение Музея совершенно неопределенно. Я решил остаться на сегодняшний день в Пестове. Во мне такое чувство: пропал Университет, теперь пропал и Музей. Нет более никаких «культурных окопов». Беречь более нечего и не для кого. Закрывшие на неопределенное время публичной библиотеки, по неизвестной учреждению причине, в высшей степени показательны для РСФСР.

12/25 июля. Последующие известия лучше. 24/11 я получил по телефону сообщение, что Музей открывается в понедельник, и что все благополучно, и что даже прибыла баржа с дровами. Тон А. К. В[иноградова] был бодрее и веселее. Завтра надеюсь узнать разгадку всей этой истории. Несмотря на катавасию, все же удалось провести 5 дней в деревне и работать на сенокосе, оставаясь с моим Володей, который для меня выше всех других обязанностей в мире.

17/30 июля. В понедельник я был в Москве и нашел в Музее настоящую идиллию: все открыто, все работает, как ни в чем не бывало. Получено по телефону распоряжение от тов. Луначарского и от ЧК: открыться — и только. Существовало в этот день предположение, что они все же пожалуют опять через несколько дней; но я сегодня, 30-го, спрашивал по телефону — все идет своим чередом, тихо, смиренно. Если они действительно искали каких-нибудь подземных ходов, то каковы их приемы? Они так же дики, невежественны и грубы, как и вся эта сволочь, олищетворяющая русскую революцию.

14/27 — было в Москве празднество в честь 3-го Интернационала. Так называемые прежде серые герои с тупыми рылами шли мерным шагом, точь в точь как они ходили на царские парады, и мне от души хотелось плюнуть в эти горилы рожи, которых если бить умеючи, то все с ними можно сделать. Весь центр города был оцеплен, так что, пробираясь на вокзал, пришлось обходить переулками — как бывало в царские приезды и выходы. Служащие в настоящих советских учреждениях были обязаны в этот день продефилировать на Красной площади, и этот парад продолжался до 6 часов вечера. Я уехал в Пестово и здесь снова пью чашу забвения.

Сегодня, увы, нас пробудило известие о смерти моей двоюродной сестры Лизы Рар — 30-ти лет — от заворота кишок в одни сутки⁵⁵. ЧК, тюрьма, ограбление, выселение и смерть — вот ее жизнь весь последний год. Что за цепь бессмысленных молодых смертей — Нина, Шура Граве, теперь Лиза!? Гекатомба даже без видимой всегда связи с гибелью России. О большой политике не знаю ничего, да и узнавать не хочется. Все в этой области стало безразличным.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Готье вероятно был прав в своей догадке. См. Голинков Д. Н. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 2. М. 1980, с. 11-21.
2. Речь идет о IX съезде РКП(б), происходившем 29 марта - 5 апреля. Против позиции большинства ЦК выступила Группа демократического централизма, отстаивавшая принцип коллегиальности. Разногласие это не было новым (Группа оформилась в 1919 г.), но на этот раз споры были особенно жаркими. Группа потерпела поражение, но просуществовала еще около года; как и другие группы внутри партии, была запрещена X съездом (См. Shapiro L. The Origin of the Communist Autocracy, pp. 221-224).
3. Эмигрировать или вымереть (*нем.*).
4. Немало картин забытых времен восстает из своих могил (*нем.*).
5. Машинописные копии этого труда были действительно положены автором в отделы рукописей обеих библиотек, опубликован он лишь в 1941 году.
6. Что у него склад ума разъездного приказчика (*фр.*).
7. Покровский Иосиф Алексеевич (1868-1920) — юрист-цивилист. Учился в Киевском и Берлинском университетах; профессор Киевского, Петербургского и Московского университетов, читал энциклопедию права в Александровском лицее в Петербурге. Основные труды — по истории римского права, теоретическим проблемам гражданского права, вопросам гражданского законодательства, рассматривал также этические основы политики. Сотрудничал в либеральных журналах.
8. ЦУРКА (Центральное управление по распределению книг) создавалось в соответствии с декретом СНК

- от 20 апреля о национализации запасов книг и иных печатных изданий (Декреты советской власти. Т. 8, с. 59–60). В редактировании декрета принимал участие Ленин.
9. *Клестов* (псевд. Ангарский) *Николай Семенович* (1873-1941? — вероятно, погиб в заключении) — профессиональный революционер, с 1902 г. член РСДРП, 1904-1905 гг. меньшевик, затем большевик. В молодости, бросив гимназию, работал в частной типографии и библиотеке своего отца; позднее создавал партийные типографии, работал в издательствах. С 1917 г. заведовал издательским отделом Моссовета (см. Деятели революционного движения в России. Т. 5, вып. 1. М. 1931). *Владимирский Михаил Федорович* (1874-1951) сочетал профессию врача с революционной деятельностью, большевик, один из организаторов Октябрьского переворота в Москве. В описываемое время член Президиума ВЦИК, заместитель наркома внутренних дел.
  10. *Галкин Михаил Владимирович* — публицист, автор антирелигиозных брошюр; в описываемое время служил в Отделе культов Наркомата юстиции, фактически редактировал его журнал «Революция и церковь» — в 1919-1924 гг. главный антирелигиозный орган (официально ответственным редактором был заведующий отделом П. А. Красиков). *Союз русского народа* — в 1905-1917 гг. правомонархистская черносотенная массовая организация, которую поддерживала часть православного духовенства; распущена, как и другие черносотенные организации, после Февральской революции.
  11. *Лопатин Лев Михайлович* (1855-1920) — философ и психолог, с 1899 г. профессор Московского университета. Вероятно, сразу же после смерти Лопатина (21 марта) сын И. Ф. Огнева начал работу над книгой о нем (Огнев А. И. Л. М. Лопатин. Пг. 1922).
  12. Новое наступление польской армии, на этот раз в союзе с войсками украинской Директории, началось 25 апреля; 26-го был взят Житомир, 6 мая — Киев.
  13. Сведения Готье о том, что уже в то время готовилось польское революционное правительство, представляют большой интерес. Формально Временный революционный комитет Польши (Польревком) был образован только в июле, когда Красная Армия заняла Белосток. Председателем комитета был Ю. Мархлевский (1866-1925), из остальных четырех членов двое были высокопоставленными чекистами (Ф. Дзержинский и Ю. Уншлихт).
  14. Эта сцена описывается в мемуарах Брусилова: Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. 1929, с. 123.
  15. Выражение восходит к Плутарху, у которого смерть Великого Пана символизирует конец античного мира.
  16. 21 апреля в Варшаве было заключено соглашение польского правительства и украинской Директории, по которому последняя признавалась правительством независимой Украины, соглашалась на присоединение к Польше восточной Галиции, западной Волыни и части Полесья и с целью совместных действий против Красной Армии подчиняла свои войска польскому верховному командованию. Совместное наступление польских и "петлюровских" войск началось четыре дня спустя.
  17. 30 апреля в «Известиях» было напечатано обращение ВЦИК и СНК от 29 апреля «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России». В обращении утверждалось, что целью польского наступления является захват всей Украины и что польские власти стремятся к порабощению на занятых ими территориях литовского, белорусского и русского населения. Формального объявления войны ни с той, ни с другой стороны не было, так как между ними не было дипломатических отношений.
  18. Они с сомнением (*фр.*).
  19. *Особое совещание* при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики (в справочных изданиях датой образования его указывается 9 мая 1920 г.; по другим сведениям существовало уже в ноябре 1919 г.) — совещательный орган для обсуждения мер борьбы с наступающей польской армией. 30 мая обратилось к бывшим офицерам русской армии с призывом вступить в Красную Армию для защиты Отечества, который имел некоторый успех. Ликвидировано в сентябре того же года. Готье правильно оценил декоративно-пропагандистскую роль совещания. Сами же вошедшие в него генералы (кроме упомянутых в тексте — Балуев, Зайончковский, Парский), по-видимому, придерживались взглядов, которые вскоре получили название национал-большевистских.
Балуев П. С. — в июле 1917 г. главнокомандующий Юго-Западного фронта, с 5 августа — Западного; старался противодействовать развалу армии, но в момент выступления генерала Корнилова на его сторону не встал. После Октябрьского переворота был склонен оказать вооруженное сопротивление, но говорил, что ему «необходимо, чтобы было какое-нибудь правительство», от имени которого он мог бы действовать; пытался помочь Комитету общественной безопасности в Москве. 5 ноября признал переход «всей власти на Западном фронте в руки Военно-революционного комитета» и предписал «всем учреждениям, организациям и лицам» исполнять его распоряжения. 12 ноября распоряжением ВРК отстранен от должности за отказ вступить в прямые переговоры с противником о мире; поколебавшись, подписал приказ по фронту о сдаче дел назначенному ВРК на его место большевику подполковнику В. В. Каменникову (1879-1959), будущему начальнику штаба войск ВЧК и члену ее коллегии.
Гутор Алексей Евгеньевич (1868-1938?) — генерал-лейтенант. В 1907 г., будучи председателем Одесского военно-окружного полевого суда, отличался склонностью к смертным приговорам большевикам и другим участникам "беспорядков". 21 мая - 10 июля 1917 г. главнокомандующий Юго-Западного

фронта, где боролся с развалом, затем при Ставке; по-видимому, не был сторонником генерала Корнилова. С ноября 1917 г. сотрудничал с советскими властями, состоял в Красной Армии. В 20-е годы преподавал в военной академии, занимался военно-историческими исследованиями.

Зайончковский (см. Вопросы истории, 1991, № 7-8, прим. 161) с мая 1917 г. был в отставке. С января 1919 г. в Красной Армии.

Клембовский Владислав Наполеонович (1860-1921) — генерал от инфантерии. С 1 июня 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом, старался поддерживать дисциплину; на совещании в Ставке с участием Керенского 16 июля согласился с генералом Деникиным, назвавшим большевиков «червями в гнойной ране», высказался за упразднение комитетов; на своем фронте пытался распустить те из них, которые «оказывали вредное влияние на части». Поддерживал Корнилова, после смещения которого отказался временно занять должность Верховного главнокомандующего и 29 августа был отстранен от командования фронтом (Ленин еще в октябре продолжал относить его к «главарям корниловщины», которых якобы покрывал Керенский). С 1918 г. [?] участвовал в работе Военно-исторической комиссии при Главном штабе Красной Армии. Расстрелян за измену [?].

Парский Дмитрий Павлович (1866(1874?)-1921) — генерал-лейтенант. 20 и июля - 9 сентября 1917 г. командующий 12-й армией Северного фронта, безуспешно боролся с разложением армии. После падения 20 августа Риги, за оборону которой нес ответственность, был по приказу Корнилова привлечен к суду по обвинению в неправильных донесениях (чем кончилось дело, неясно). 29 августа в Житомире был в числе «реакционных» генералов, «арестованных» местным Советом рабочих и солдатских депутатов. В октябре-ноябре командовал 3-й армией Западного фронта; отказался вступить в мирные переговоры с противником и был 18 ноября смещен армейским ВРК. С февраля 1918 г. в Красной Армии, руководил военными действиями в районе Нарвы, затем (15 сентября-26 ноября) первый командующий Северным фронтом (от Пскова до Вятки).

Поливанов Алексей Андреевич (1855-1920) — генерал от инфантерии; имел репутацию умеренного либерала и хорошего организатора, был близок к Гучкову. В 1912 г. член Государственного совета по назначению; июнь 1915 г. - 13 марта 1916 г. военный министр и председатель Особого совещания по обороне (был против занятия Николаем II поста Верховного главнокомандующего); затем в отставке. После Февральской революции член Особого совещания по обороне, председатель комитета при Военном министерстве, который подготовил приказ Гучкова от 16 апреля о выборных комитетах в воинских частях и «Декларацию прав солдата и гражданина», утвержденную Керенским 11 мая. В октябре на съезде общественных деятелей в Москве высказался за возвращение Корнилова на должность Верховного главнокомандующего. С февраля 1920 г. в Красной Армии. Умер в Риге, где был военным экспертом при советской делегации на мирных переговорах с Польшей.

20. В своих воспоминаниях Брусилов, полемизируя с Деникиным, отстаивает решение «остаться со своим народом» при любых обстоятельствах, но отмечает, что именно в это время его нищенское материальное положение начало улучшаться (см. Брусилов А. А. Ук. соч., с. 235-236).
21. Еще один пример пронизательности автора. Отождествление России с большевизмом (коммунизмом) имело широчайшее распространение в иностранном мире вплоть до конца 80-х годов.
22. Буквально «городу и миру» (*лат.*); здесь — на весь мир.
23. Письмо Брусилова было опубликовано 7 мая в «Известиях».
24. Товарные станции на Московской окружной железной дороге: *Серебряный бор* — близ пересечения с Рижским направлением, *Владыкино* — с Савеловским.
25. Автор шел от Курского вокзала к Красной площади. *Воронцово Поле* — ул. Обуха; *Хитров рынок* — на Хитровской пл., позднее застроенной, у стыка Яузского и Покровского бульваров.
26. Речь идет о главных зданиях Московского университета на Моховой; старое расположено к северу от Б. Никитской, новое — к югу.
27. То есть, на Смоленском рынке.
28. Памятник Александру III работы П. Трубецкого.
29. *Радлов Эрнест Леопольдович* (1854-1928) — философ. В 1918 (а не в 1917г., как сказано в 3-м изд. БСЭ) - 1924 гг. директор Государственной (быв. Императорской) публичной библиотеки (теперь им. Салтыкова-Щедрина).
30. Покорность судьбе (*фр.*).
31. *Шмеман Николай Эдуардович* (1858-?) — сенатор, член Госсовета [?]. Первый департамент Сената ведал административными делами.
32. *Теляковский Владимир Александрович* (1860/1861-1924) — театральный деятель, в 1901-мае 1917 г. директор Императорских (после Февральской революции Государственных) театров. Ушел из-за неопределенности и путаницы в управлении театрами, в частности, вследствие назначения правительственных комиссаров разных уровней (см. его Воспоминания, 1898-1917. Пг. 1924).
33. Клэш, буквально — колоколом (*фр.*).
34. Одно другого стоит (*фр.*).
35. Дворец (*ит.*).

36. *Принцесса Саксен-Альтенбургская* Елена Георгиевна (урожд. герцогиня Мекленбург-Стрелицкая) — правнучка Павла I, была замужем за принцем Саксен-Альтенбургским, позже герцогом и королем Саксонским Альбертом.
37. То есть переговоры с недостойным партнером. Автор, по всей вероятности, цитирует выражение, употребленное в какой-то английской газете.
38. Мужественная старая Франция (*фр.*).
39. Киев был взят Красной Армией 12 июня. 13 июня «Известия» утверждали, что при отступлении поляки взорвали Владимирский собор, однако в позднейших описаниях Киевской операции и города Киева о разрушении этого или иных памятников культуры при отступлении поляков не говорится.
40. Пушкин А. С. Собр соч. Т. 2. М. 1959, с. 302.
41. *Вацетис Иоаким Иоакимович* (1873-1938, расстрелян) — полковник; после Октябрьского переворота командовал латышскими частями, игравшими роль преторианской гвардии Советского правительства. 4 сентября 1918-8 июля 1919 г. первый главнокомандующий Вооруженными силами республики. В описываемое время в Революционном военном совете.
42. *Красин Леонид Борисович* (1870-1926) — революционер-большевик, государственный деятель, крупный хозяйственник и дипломат. С конца мая вел в Лондоне переговоры о советско-британских отношениях. Его встреча с Ллойд Джорджем 31 мая была первой встречей представителя Советского правительства с главой правительства одной из великих держав. Переговоры закончились признанием де-факто Советского правительства и заключением торгового соглашения (см. Ullman R. H. The Anglo-Soviet Accord (Anglo-Soviet Relations, vol. 3). Princeton. 1972).
«Письмо к английским рабочим» от 30 мая 1920 г. было опубликовано в газетах 17 июня. Ленин, отметив, что пишет «в качестве просто коммуниста», разразился в письме бранью по адресу как «разбойничьего правительства Англии», которое он призывал «революционно свергнуть», так и рабочих, находящихся «в идейном рабстве у буржуазии» и разделяющих «мещанские предрассудки насчет «демократии» (*буржуазной демократии*). Говоря о заданных ему английской делегацией вопросах, касающихся обвинения большевиков в красном терроре, отсутствии в России свободы печати, собраний, а также в преследовании меньшевиков и меньшевистских рабочих, он писал: «Настоящие виновники террора — империалисты Англии и их «союзники», которые проводили и проводят белый террор в Финляндии и Венгрии, в Индии и в Ирландии, поддерживали и поддерживают Юденича, Колчака, Деникина, Пилсудского, Врангеля» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 124-128). Письмо не понравилось самому Ленину, но было одобрено Чичериным (см. там же, т. 51, с. 203).
43. Где и когда У. Черчилль употребил это выражение, установить не удалось.
44. Правительство султана, потерпевшее поражение в мировой войне, уступало требованиям победителей, но националистически настроенные «младотурки» подняли восстание и в апреле 1920 г. объявили себя единственной законной властью в стране. В марте 1921 г. Советское правительство заключило с ними договор «о дружбе и братстве», который закреплял за Турцией земли, отошедшие к ней по Брестскому миру (кроме Батума с окрестностями), предусматривал административно-территориальное устройство Закавказья, благоприятное для мусульман, безвозмездные поставки Турции оружия и боеприпасов и уплату 10 млн. золотых рублей во имя «борьбы с империализмом» и поддержки «национально-освободительной» революции. Запись Готье о пребывании младотурецких представителей в Москве интересна для уточнения хронологии большевисто-младотурецких связей.
45. *Осоргин* — Ильин Михаил Андреевич (1878-1942), писатель и журналист. В 1906-1916 гг. в эмиграции, заграничный корреспондент «Русских ведомостей». В описываемое время председатель Московского союза писателей. В 1922 г. выслан за границу; умер во Франции.
46. *Рождественский Сергей Васильевич* (1868-1934) — историк, ученик Платонова, профессор Петербургского университета, член-корреспондент АН (1920 г.). Труды по социально-экономической истории Московского государства XIV-XVI вв. и по истории народного образования в России XVII-XX веков. Как и Готье, был в 1930 г. арестован по «делу Платонова» и в 1931 г. сослан; умер в ссылке. *С. М. Соловьев* родился 5 мая 1820 года.
47. В составе ЦК РКП(б), избранного на IX съезде в марте-апреле 1920 г. (20 человек), юристами были Крестинский и Ленин (сдал экзамены экстерном и почти не практиковал); короткое время на юридическом факультете учились Зиновьев, Каменев и Рыков. Из них Каменев, Крестинский и Ленин были членами Политбюро, Зиновьев кандидатом; Крестинский и Рыков входили также в Оргбюро, а Крестинский был одним из трех секретарей ЦК. Среди 12 кандидатов в члены ЦК был только один юрист — Стучка. Таким образом, профессиональных юристов в ЦК было двое — Крестинский и Стучка (оба — присяжные поверенные).
В СНК, втором после ЦК по значению органе власти, юристами были, кроме Ленина, нарком юстиции Курский (присяжный поверенный) и нарком финансов Крестинский; Рыков был председателем ВСНХ. В президиум ВЦИК (к этому времени уже главным образом декоративный, но формально законодатель-

ный орган), избранный на VII съезде Советов 5-9 декабря 1914 г. (12 человек плюс один, кооптированный позже), входил Рыков. Среди пяти кандидатов не было ни одного юриста. Получил юридическое образование, но до Октябрьского переворота не практиковал, главный прокурор Верховного трибунала при ВЦИК Крыленко.

Из членов коллегии ВЧК юристом по образованию был Менжинский (с февраля 1920 г. зам. начальника, с июля начальник Особого отдела ВЧК); учился на юридическом факультете, но не кончил Кедров (с марта 1920 г. член специальной правительственной комиссии «по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере», где он сам прославился жестокостью).

48. *Хомяков Алексей Степанович* (1804-1860) — религиозный мыслитель, публицист и общественный деятель; один из основоположников славянофильства. Создатель учения о соборности как всеобщем принципе теории и практики. Не получив историко-филологического образования, нередко прибегал к историческим и этимологическим построениям, не выдерживающим серьезной критики. Пример, приводимый Готье, связан с попыткой объяснить явления соборности в английской жизни (которые он высоко ценил, например, суд присяжных) частично славянским происхождением англичан.
49. *Мансуров Сергей Павлович* (?-1929) — философ и церковный историк, член Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры.
50. *Коломенское* — бывшая усадьба московских князей, великих князей и царей к югу от Москвы. *Дьяково* (Дьяковское) — село близ Коломенского, около которого на правом берегу Москвы-реки находится Дьяковское городище, где впервые при раскопках были найдены изделия эпохи железного века (дьяковская культура). *Чертovo городище* (или Чертов городок) — разрушенный холм рядом с Дьяковским городищем с культурным слоем дьяковского времени. С 1960 г. вся эта местность находится в черте Москвы.
51. *Долгов Семен Осипович* (1857-1925) — археолог и археограф, хранитель Отдела рукописей и старых книг Румянцевского музея.
52. *Райский*, вероятно, был большевиком или «сочувствующим», скорее всего, из младших служителей Музея.
53. II конгресс Коминтерна, состоявшийся в Москве 21 июля - 6 августа.
54. Церковь в Вифанском монастыре близ Сергиева Посада, устроенная внутри в виде горы (в подражание Вифанской горе у Иерусалима).
55. Е. Л. Рар умерла 27 июня в г. Кимры Тверской губ., куда поехала, чтобы прийти в себя и окрепнуть после тюремного заключения. Врач в кимрской больнице не решился ее оперировать из-за невозможности дезинфицировать хирургические инструменты.